

ГАЛИНА КОЗЕЕВА

Устать от собственных мыслей

Как перестать всё обдумывать
и вернуть себе спокойствие

Галина Козеева

**Устать от собственных мыслей.
Как перестать всё обдумывать
и вернуть себе спокойствие.**

«Автор»

2026

Козеева Г.

Устать от собственных мыслей. Как перестать всё обдумывать и вернуть себе спокойствие. / Г. Козеева — «Автор», 2026

Вы легли спать, а в голове уже началось совещание. Вспоминается неловкий разговор, перебираются завтрашние дела, снова обсуждается решение, которое давно принято. И ведь так хочется просто выключить этот бесконечный разговор с собой. Эта книга — о привычке думать больше, чем нам нужно, и о том, почему так трудно остановиться. Вы узнаете, как перестать ходить по кругу в собственных мыслях, спокойнее относиться к неизвестности и возвращать себе время на жизнь, которая происходит прямо сейчас.

Галина Козеева

Устать от собственных мыслей. Как перестать всё обдумывать и вернуть себе спокойствие.

Часть I. Шум, к которому привыкли

Глава 1. Пока варится варенье

Банки стояли на полотенце вверх дном, похожие на маленький стеклянный город после эвакуации. В кастрюле лениво поднималась пена. Нина сняла её ложкой, посмотрела на блюдце, куда собирала сладкие розовые облака, и снова вспомнила лифт.

В лифте она встретила соседку с пятого этажа. Ту самую, с которой в прошлом году вместе собирали подписи против сломанного домофона. Соседка сказала: «Давно вас не видно». Нина ответила: «Да всё некогда». Двери открылись, они разошлись. Весь разговор занял секунд двадцать, если считать ещё и неловкое ожидание, пока лифт сообразит, на каком он этаже.

Теперь Нина в который раз перебирала эти двадцать секунд. Что означало «давно вас не видно»? Упрёк? Намёк, что она перестала участвовать в жизни дома? Может быть, соседка просто поздоровалась, а Нина своим «всё некогда» прозвучала высокомерно. Надо было спросить, как дела. Или сказать, что уезжала. Хотя зачем отчитываться о поездке перед человеком, с которым общаешься главным образом возле мусоропровода?

Она убавила огонь, подложила под мокрые банки сухое полотенце и вдруг заметила, что уже успела придумать три варианта следующей встречи. В одном она была приветлива и остроумна. В другом спокойно объясняла, почему не обязана поддерживать соседские разговоры. В третьем соседка вообще ничего не говорила, зато Нина произносила безупречную фразу, которую, конечно, не смогла бы повторить вслух.

Варенье требовало внимания довольно скромного: помешать, проверить густоту, не дать пригореть. Мысли вели себя куда требовательнее. Они появлялись без приглашения и всякий раз предлагали срочно разобраться с чем-то важным. Нина не сидела сложа руки и не предавалась мучительным раздумьям нарочно. Она работала, двигалась по кухне, искала крышки нужного размера. Просто параллельно происходило ещё одно занятие, для которого не требовалось ни свободного времени, ни отдельного места.

Знакомое ощущение? Можно целый день выполнять обычные дела, отвечать на вопросы, выбирать продукты, чинить расшатавшуюся ручку шкафа, а внутри без перерыва продолжать беседы, которых уже нет. Иногда - с людьми, которые и не подозревают, что им только что предъявили убедительные доказательства, выслушали возражения и великодушно простили.

У таких мысленных возвращений бывают вполне понятные причины. Неловкий разговор хочется осмыслить, неприятную ошибку - не повторить, неопределённость - хоть как-то прояснить. Мышление помогает нам учиться на опыте и готовиться к будущему. Само по себе оно не враг, а способность долго размышлять не свидетельствует о неблагополучии.

Трудность возникает там, где размышление перестаёт приносить что-либо новое, но не заканчивается. Событие давно прошло, дополнительных сведений нет, сделать прямо сейчас нечего, а внутренний разговор будто получает очередной сезон. В психологии такие повторяющиеся, преимущественно неприятные размышления изучают, в частности, в связи с руминацией и тревожным ожиданием. Эти слова пригодятся нам позже. Пока достаточно заметить разницу между вопросом, на который мы ищем ответ, и вопросом, вокруг которого ходим кругами.

Нина могла бы, например, решить, что в следующий раз просто спросит соседку, как поживает её собака. Это было бы маленькое, вполне земное намерение. Но вместо этого она

пыталась выяснить, что соседка подумала о ней в прошлый четверг. Для такой задачи не существовало ни надёжного способа проверки, ни момента, когда можно уверенно поставить точку. Даже самая удачная версия оставляла место следующей: а вдруг всё было иначе?

Мы часто оцениваем свою усталость по видимым делам. Сколько часов отработали, сколько раз сходили в магазин, сколько вопросов решили. Невидимая часть дня в этот подсчёт обычно не попадает. Между тем возвращаться к одной и той же неприятной сцене бывает эмоционально тяжело. Это не значит, что любая усталость объясняется мыслями: на самочувствие влияют сон, здоровье, нагрузка и множество других обстоятельств. Но иногда, перечисляя сделанное, человек упускает из виду, сколько времени он провёл ещё и во внутренней беседе.

Самое странное, что снаружи ничего необычного не происходит. Человек аккуратно складывает бельё, поливает цветы, ждёт зелёного сигнала светофора. Никто не видит, как он одновременно оправдывается, спорит, предполагает, вспоминает. И сам он не всегда замечает, в какой момент перестал обдумывать событие и начал заново переживать его.

Когда Нина наконец разлила варенье по банкам, на дне кастрюли осталось немного густого сиропа. Она провела по нему ложкой, попробовала и поморщилась: слишком сладко. В прошлый раз получилось лучше. Надо было взять меньше сахара, а может, дольше держать на огне. Она уже собралась мысленно восстановить весь рецепт по минутам, но из прихожей донёлся звонок.

На пороге стояла соседка с пятого этажа. В руках она держала чужую посылку: курьер перепутал квартиры.

- Я вам тут принесла. И ещё хотела спросить...

Нина замерла. Вот сейчас, подумала она, наконец выяснится.

- Вы случайно не знаете, где у нас батарейки выбрасывают? - спросила соседка. - У меня целый пакет накопился.

Нина посмотрела на пакет, потом на соседку. За её спиной в подъезде кто-то тащил велосипед по лестнице, ругаясь на колесо, которое застревало между перилами. Всё было удивительно буднично.

- Кажется, в магазине у остановки стоит контейнер, - сказала Нина. - Но лучше уточнить.

Соседка поблагодарила и ушла. Нина вернулась на кухню, где остывали банки. О том разговоре в лифте не было сказано ни слова. Разумеется, это ничего не доказывало: люди умеют думать о нас что угодно и при этом спрашивать про батарейки.

Она взяла чистую крышку и стала закручивать банку. Крышка пошла криво. Пришлось снять её и начать заново.

Глава 2. Очередь, которая продолжается дома

В поликлинике мужчина в клетчатом шарфе занял очередь сразу в два окна. Одну - для себя, другую - на всякий случай, потому что в первом, по его словам, «вечно ничего не знают». Люди за ним не возражали. Очередь вообще отличалась удивительной терпимостью ко всему, кроме попыток пройти без очереди.

Андрей стоял у стены с папкой анализов и старался не потерять номерок. Ему нужно было только уточнить, в какой кабинет отнести направление. На табло менялись цифры, кто-то тихо кашлял, автомат с кофе издавал звуки, похожие на вздохи человека, которому надоело работать за двоих.

Когда загорелся его номер, женщина за стеклом не подняла головы.

- Направление сюда? - спросил Андрей.

- К терапевту сначала. Следующий.

- Мне сказали, что можно сразу...

- Кто сказал?

Он назвал фамилию врача. Женщина посмотрела на бумагу, потом на него.

- Тогда зачем вы ко мне пришли? В кабинете уточняйте.

Голос у неё был резкий, но не громкий. Андрей взял папку и отошёл, почувствовав, как на лице появляется ненужная улыбка - та, которой иногда благодарят за помощь, даже когда помощи не получилось. В коридоре он нашёл нужный кабинет. Врач объяснил порядок, вопрос разрешился за минуту. Никакого скандала не было.

Вечером Андрей обнаружил, что продолжает стоять у регистрационного окна.

Он уже успел забрать дочь с занятий, купить хлеб, заменить перегоревшую лампочку в ванной. Теперь сидел на полу возле коробки с инструментами, держа в руке отвёртку, и мысленно произносил то, что следовало сказать женщине за стеклом. Не грубость - нет. Что-нибудь спокойное, уверенное, достойное взрослого человека, который имеет право задавать вопросы в учреждении, куда пришёл по записи.

«Я уточняю порядок, потому что получил разные указания». Неплохо. Но слишком официально, словно он собирается выступать на собрании. «Мне просто нужна информация». Коротко, но жалобно. «Давайте без такого тона». Вот это уже ближе. Правда, если бы она ответила: «А что с моим тоном?», пришлось бы придумывать продолжение.

Андрей закрыл коробку, поставил её в шкаф и поймал себя на том, что заранее репетирует ответ на реплику, которой никто не произносил.

Пожалуй, сильнее всего его задевало не то, что сотрудница была неприветлива. В тот момент он растерялся. Не сумел быстро объяснить, почему подошёл именно к этому окну, и отступил, хотя считал себя правым. Позже, когда времени на ответ стало сколько угодно, нужные слова нашлись. С опозданием они звучали особенно убедительно.

Есть в этом запоздалом красноречии нечто почти комическое. Мы легко выигрываем спор, если обе роли исполняем сами. Собеседник в таких разговорах удивительно дисциплинирован: произносит именно ту фразу, на которую у нас приготовлен ответ. Но облегчение, ради которого затевалась репетиция, почему-то не наступает надолго.

Андрей понимал, что завтра не пойдёт в поликлинику разыскивать эту женщину. Он не собирался писать жалобу и не нуждался больше в её объяснениях. Направление лежало в папке, вопрос был решён. И всё же внутреннее разбирательство продолжалось, будто в нём оставался какой-то невыполненный пункт.

Подобные возвращения не обязательно связаны с обидой. Иногда человек снова и снова вспоминает собственную оговорку, неудачную шутку, слишком поспешное согласие. Иногда перебирает разговор, который прошёл вполне мирно, пытаясь понять, не было ли в нём скрытого смысла. Мысленное повторение может начинаться с разумного намерения: разобраться, чему научил эпизод, и в следующий раз поступить иначе.

Но у полезного разбора есть хотя бы приблизительная граница. Мы замечаем ошибку, извлекаем из неё что-то конкретное, решаем, требуется ли действие. Если же новой информации нет, а прежняя сцена воспроизводится с небольшими поправками, мышление перестаёт быть похожим на работу над задачей. Скорее на человека, который бесконечно перекладывает бумаги с одного края стола на другой, потому что боится признать: нужного документа среди них нет.

Особенно цепкими оказываются события, в которых мы почувствовали себя не такими, какими привыкли себя считать. Андрей не любил конфликтов, но и робким себя не называл. Он умел разговаривать с поставщиками на работе, отстаивал условия договора, однажды добился возврата денег за сломанный холодильник. И вдруг растерялся перед женщиной, уставшей от вопросов посетителей. Ему хотелось не столько изменить прошлый разговор, сколько вернуть себе привычное представление о себе.

Здесь возникает ловушка. Чем тщательнее мы восстанавливаем сцену, тем больше деталей замечаем. Каждая предлагает новый вопрос: почему она так посмотрела, почему я улыб-

нул, почему не спросил ещё раз? Ответ на один вопрос редко закрывает остальные. Иногда он только добавляет материал для следующего круга.

Это не означает, что нужно запрещать себе вспоминать неприятное. Некоторые события действительно требуют разговора, решения, защиты своих интересов. А если переживания настойчиво мешают спать, работать или жить, бывает полезна профессиональная помощь. Но обычная досада тоже способна задержаться надолго, особенно когда мы незаметно превращаем её в экзамен на собственную состоятельность.

В тот вечер дочь попросила Андрея помочь с географией. Ей задали найти на карте реки, впадающие в Каспийское море. Они разложили атлас на столе, придавив края чашками. Дочь водила пальцем по голубым линиям, Андрей проверял названия. На минуту разговор в регистратуре исчез, вытесненный Волгой, Уралом и неожиданным спором о том, где заканчивается река и начинается море.

Потом дочь ушла собирать рюкзак, и сцена вернулась. Андрей заметил её появление почти с любопытством: словно кто-то снова включил передачу, которую он уже смотрел. Он не нашёл для неё нового аргумента и не решил, как должен был ответить. Просто увидел, что мысленно опять стоит перед стеклом.

На столе остался раскрытый атлас. В его углу дочь карандашом поставила крошечную звёздочку возле города, где они когда-то были проездом. Андрей не помнил названия этого города. Он подвинул карту ближе, чтобы прочитать.

Глава 3. Пять минут на выбор мороженого

Мороженое продавали в небольшом киоске у речного причала. На стекле висел листок с нарисованным от руки пингином, который почему-то рекламировал клубничный рожок. Внутри морозильника, среди аккуратных рядов упаковок, лежало всё, что человек способен пожелать от летнего десерта, и ещё несколько вариантов, о существовании которых он до этой минуты не подозревал.

Алёна остановилась перед витриной вместе с племянником. Мальчик выбрал сразу:

- Мне зелёное.
- Фисташковое?
- Нет, вот то, с динозавром.

На упаковке действительно был динозавр. Вопрос вкуса ребёнка, по-видимому, совершенно не занимал.

Алёна попросила продавщицу достать зелёное, расплатилась за племянника и посмотрела на оставшиеся коробки. Себе она собиралась взять обычный пломбир. Но рядом оказался пломбир с солёной карамелью, чуть дальше - с вишней, а под ним пряталось мороженое, в котором обещали кусочки настоящего печенья. Почему-то слово «настоящего» внушало доверие, хотя ненастоящее печенье представить было довольно трудно.

- Вам что-нибудь ещё? - спросила продавщица.
- Сейчас, одну секунду.

Алёна быстро прикинула, что карамель может оказаться приторной. Вишня, пожалуй, освежает, но кислинка не всегда уместна. Классический пломбир надёжен, однако разве не глупо каждый раз брать одно и то же, когда приехала на речную прогулку? Такие прогулки случаются не ежедневно. Хорошо бы выбрать что-нибудь особенное.

- Тётъ Вер, он тает, - сообщил племянник, уже державший динозавра за хвост.
- Ешь быстрее.
- Я и ем.

Алёна заметила за собой очередь: пожилая пара, девушка в велосипедном шлеме и мужчина, который с выражением терпеливого отчаяния изучал меню. Она поспешно выбрала вишнёвое.

Через несколько шагов ей показалось, что надо было брать карамельное.

Они устроились на деревянной скамейке возле воды. Мальчик был счастлив: зелёное мороженое оказалось почти белым внутри, зато язык после него приобрёл цвет молодой травы. Алёна откусила вишнёвый пломбир. Он был вкусным. Ничего удивительного, но и разочарования не случилось.

Тем не менее, пока по реке медленно шёл прогулочный катер, она продолжала сравнивать свой выбор с тем, которого уже не существовало. Может быть, карамельное было бы интереснее. А если бы она взяла обычный пломбир, наверняка получила бы больше удовольствия, не отвлекаясь на кислую вишню. В следующий раз стоило сначала изучить состав. Или хотя бы спросить продавщицу, что берут чаще.

Алёна не считала себя нерешительным человеком. Она могла за полчаса собраться в незнакомый город, спокойно меняла планы, если отменяли поезд, и однажды без долгих раздумий записалась на курсы гончарного дела, хотя никогда прежде не держала в руках глину. Но мелкие решения иногда неожиданно разрастались у неё в голове. Выбрать место в зале, открытку к подарку, маршрут прогулки - и вот уже обычное действие требовало такого внимания, словно последствия будут обсуждать на семейном совете лет десять.

В подобных случаях дело бывает не в самом выборе. Мороженое не представляло опасности, цена у вариантов почти не различалась, и никакой особой ответственности Алёна на себя не брала. Труднее было согласиться с простой вещью: выбрав одно, она не узнает наверняка, насколько лучше могло оказаться другое.

Возможность сравнить кажется полезной. И часто так и есть. Когда мы выбираем врача, жильё или условия договора, внимательность к различиям оправдана. Но у размышления есть стоимость, которую не печатают на ценнике. Оно занимает время, требует усилий, иногда забирает удовольствие от уже принятого решения. А выигрыш от ещё одной минуты сравнения может быть совсем небольшим.

Алёна понимала это, если кто-нибудь спрашивал её в общем виде. Скажите человеку: «Стоит ли долго переживать из-за мороженого?» - и он, скорее всего, рассмеётся. Но мысль редко приходит с честной табличкой «Переживание из-за мороженого». Она появляется под видом разумной заботы: вдруг ты не учла что-то важное? Вдруг можно было выбрать удачнее? Разве плохо стремиться к хорошему?

Именно здесь полезно различать тщательность и бесконечное уточнение. Тщательность помогает заметить существенное. Бесконечное уточнение обещает избавить от сожаления, хотя сделать это не всегда возможно. Можно собрать все сведения о мороженом, расспросить продавщицу и изучить отзывы, но всё равно однажды подумать, что следовало взять другое. Сожаление не обязательно означает ошибку; иногда оно всего лишь сопровождает тот факт, что альтернативы остались непроверенными.

- Ты почему своё не ешь? - спросил племянник.

Алёна посмотрела на рожок. По пальцам уже стекала розоватая капля.

- Думаю.

- О чём?

Она собиралась сказать «ни о чём», но остановилась.

- Какое мороженое надо было выбрать.

Мальчик с уважением взглянул на её порцию.

- А что, это плохое?

- Нет. Хорошее.

- Тогда дай попробовать.

Он откусил крошечный кусочек и задумался, неожиданно серьёзный. Алёна почти обрадовалась: сейчас появится независимая оценка, возможно, даже окончательная.

- Нормальное, - объявил он. - А там утка!

Возле причала действительно плавала утка, сопровождаемая пятью утятами, и ребёнок немедленно побежал считать их заново. Алёна осталась со своим рожком. Она ещё помнила карамельное, которое так и не попробовала. Память о нём была удивительно подробной для вещи, о вкусе которой она ничего не знала.

Катер отошёл от пристани, оставив на воде широкую расходящуюся полосу. Алёна слизнула растаявшую каплю с пальца. Вишня оказалась чуть кислее, чем в первом укусе. Это ей понравилось.

Глава 4. Когда пауза кажется подозрительной

В мастерской по ремонту музыкальных инструментов стояла такая тишина, что Лариса слышала, как у неё под подошвой поскрипывает песчинка. На стенах висели скрипки, в углу дремал контрабас, а на рабочем столе лежал разобранный кларнет. Хозяин мастерской, пожилой мужчина в жилете с многочисленными карманами, осматривал принесённую ею виолончель и ничего не говорил.

Лариса не играла на ней уже несколько лет. Инструмент достался от отца, который преподавал музыку и считал, что любую вещь надо хотя бы иногда доставать из футляра. После его смерти виолончель стояла в кладовке, пока Лариса не решилась отдать её в ремонт. Теперь она ожидала приговора: сколько будет стоить работа, можно ли вообще что-то исправить, не скажет ли мастер, что хранить инструмент таким образом было преступлением против культуры.

Он постучал по деке, прищурился и поднял виолончель к свету.

- Так, - произнёс наконец.

Лариса приготовилась слушать.

Мастер снова замолчал.

В эту паузу поместилось удивительно многое. Возможно, трещина серьёзнее, чем кажется. Возможно, инструмент испорчен безвозвратно. Может быть, мужчина уже догадался, что перед ним человек, который не умеет заботиться о вещах. Лариса даже вспомнила, как отец однажды поправлял её руку на смычке: «Не торопись, звук никуда не денется». Отец говорил о музыке, но сейчас фраза прозвучала укоризненно.

- Давно не играли? - спросил мастер.

- Да, довольно давно.

- Понятно.

И опять принялся рассматривать дерево.

Лариса решила объяснить всё заранее. Что переезжала, что дома было тесно, что сначала не могла даже открыть футляр, а потом всё откладывала. Слова уже выстроились в очередь, но мастер опередил её:

- Колок менять придётся. Остальное посмотрим, когда сниму струны.

Он говорил ровно, без сожаления и без осуждения. И всё же, выйдя из мастерской, Лариса не могла избавиться от ощущения, что разговор прошёл плохо. Не грубо, не неприятно - просто плохо. Мужчина слишком долго молчал. Она сама говорила слишком мало. Наверное, следовало уточнить срок ремонта. Или спросить, почему он сразу не назвал цену. Может быть, он не хотел связываться с инструментом, который столько лет пролежал без дела.

Дорога домой проходила через старый парк. По аллеям катались дети на самокатах, возле фонтана рабочие меняли плитку. Лариса шла медленно, но внутри неё разговор продолжался с той поспешностью, которой не было в мастерской. Она восстанавливала выражение лица мужчины, длину каждой паузы, интонацию короткого «понятно». Чем меньше он сказал, тем больше вариантов объяснения находилось.

Неопределённость часто выглядит как пустое место, которое хочется поскорее заполнить. Когда человек отвечает коротко, не улыбается или задумывается прежде, чем произнести следующую фразу, мы не знаем, что именно происходит у него в голове. Это совершенно обычное

ограничение: чужие мысли недоступны нам напрямую. Но собственное воображение готово предложить версии, причём не обязательно приятные.

Иногда такие предположения помогают сориентироваться. Мы замечаем, что собеседник устал, и откладываем разговор; видим растерянность и объясняем подробнее. Проблема начинается, когда версия незаметно превращается в почти достоверный факт. «Он долго молчал» становится «он недоволен». А следом возникает новый вопрос: «Что я сделала не так?» Теперь уже можно долго разбирать собственные ошибки, хотя исходное предположение никто не подтвердил.

Лариса остановилась возле пруда. По воде двигались два лебедя, каждый с таким достоинством, словно ему принадлежал весь городской бюджет на благоустройство. Она посмотрела на них, но мысль о мастере не отступила. Ей хотелось позвонить и уточнить, всё ли в порядке. Не с виолончелью - с разговором. Только как задать подобный вопрос человеку, который обещал поменять колокол?

Она достала из сумки квитанцию. На ней были написаны фамилия, дата и номер телефона. Ни цены, ни срока. Вот это, в отличие от предполагаемого недовольства, было настоящим пробелом. Лариса могла спросить об этом завтра, когда мастер осмотрит инструмент подробнее. Но почему-то практический вопрос занимал её меньше, чем тот, на который мастер вряд ли сумел бы ответить: что он о ней подумал.

Есть особая усталость от попыток узнать то, для чего у нас нет данных. Мы мысленно возвращаемся к одному жесту или слову, словно при повторном просмотре обнаружится скрытая надпись. Иногда она действительно обнаруживается - если вспомнится забытая деталь. Гораздо чаще к старому материалу добавляется лишь новое толкование. Оно может звучать убедительно, потому что мы сами его долго обдумывали, но от этого не становится проверенным.

Дома Лариса поставила пустой футляр за шкаф. Без виолончели он выглядел непривычно лёгким. Она прошла в комнату, где отец когда-то занимался с учениками, и увидела на полке метроном. Деревянный, с металлическим маятником. Лариса завела его осторожно: механизм ещё работал.

Маятник качнулся влево, вправо, снова влево. Между щелчками оставалось одинаковое короткое молчание. Отец всегда сердился, когда ученики пытались заполнить его лишними нотами.

Лариса выключила метроном, прежде чем он успел отсчитать целую минуту. Ей всё ещё хотелось знать, что мастер имел в виду под своим «понятно». Но квитанцию она положила возле ключей, чтобы завтра спросить хотя бы о том, о чём действительно можно спросить.

Глава 5. Выходной, занятый невидимой работой

Сосед через участок красил забор уже третью субботу. Причём каждую субботу другим цветом. Сначала забор был коричневым, потом стал зелёным, а теперь приобретал оттенок, который продавец в магазине назвал «дымчатый шалфей». На взгляд Михаила, шалфей получался довольно унылым, но высказывать это вслух он не собирался. Человек, трижды перекрасивший один забор, вряд ли нуждался в дополнительных мнениях.

Собственный забор Михаил намеревался привести в порядок за день. Он приехал на дачу без семьи, захватив краску, кисти и старую рубашку, которую жена давно просила выбросить. День обещал быть простым: пройти вдоль штакетника, подновить облупившиеся доски, вечером затопить баню. Телефон он оставил в доме, чтобы не отвлекаться.

Первую доску Михаил покрасил старательно, вторую быстрее. На третьей вспомнил, что в понедельник нужно поговорить с братом о продаже старого гаража.

Брат хотел продать немедленно. Михаил считал, что стоит подождать до весны. Они уже обсуждали это дважды и ни к чему не пришли. В последний раз брат сказал: «Ты вечно тянешь», - и разговор закончился. Михаил знал, что эти слова не означают окончательного

разрыва отношений. И всё же неприятно было слышать, будто вся его осторожность сводится к дурной привычке.

К десятой доске он сформулировал убедительный довод о ценах на недвижимость. К пятнадцатой - вспомнил, что цены могут и упасть. К двадцатой представил, как брат раздражённо перебивает его, и подготовил спокойный ответ. Ещё через несколько досок Михаил уже объяснял воображаемому брату, что никогда не мешал ему принимать самостоятельные решения, а потом почему-то припомнил историю с лодочным мотором, случившуюся семь лет назад.

Краска ложилась ровно. Руки работали привычно, кисть послушно заходила в щели между планками. Если бы кто-нибудь заглянул через калитку, он увидел бы мужчину, занятого обычной дачной работой. И, вероятно, позавидовал бы: свежий воздух, тишина, никакого начальства. Даже сосед на время прекратил перекрашивать шалфей.

Сам Михаил отдыха не чувствовал.

Он не мог пожаловаться на тяжёлую физическую нагрузку. Забор был невысоким, солнце не припекало, спина пока не болела. Но к полудню появилась раздражительность, словно всё утро его о чём-то настойчиво расспрашивали. Он поставил банку на землю и отправился пить воду.

На веранде лежал раскрытый журнал с кроссвордом. Михаил сел, посмотрел на вопрос «Столица островного государства, шесть букв» и вдруг поймал себя на том, что уже мысленно пересказывает брату содержание будущего разговора. Даже не слова - предполагаемую интонацию. Он собирался звучать рассудительно, но не снисходительно, твёрдо, но без нажима. Желательно так, чтобы брат сам признал его правоту и при этом не почувствовал себя побеждённым.

Последнее условие делало задачу почти невыполнимой.

Нередко мы представляем отдых как отсутствие внешних требований. Не надо торопиться, никуда не зовут, никто не ждёт немедленного ответа. Однако внутренние требования не всегда подчиняются календарю. Можно освободить целый день, а затем незаметно заполнить его подготовкой к разговорам, которые ещё не состоялись, разбором старых ошибок и проверкой решений, которые уже приняты.

Разумеется, размышления сами по себе не отменяют отдыха. Для кого-то прогулка с обдумыванием сложной задачи - удовольствие; другой человек любит раскладывать мысли по полочкам, занимаясь руками. Иногда именно так находится нужное решение. Важно не то, сколько минут мы думали, а что происходило с нами в это время: появлялось ли понимание, становилось ли легче действовать или мы лишь повторяли один и тот же круг, всё сильнее напрягаясь.

Михаил пытался решить вполне реальную проблему. Продажа гаража касалась и его, и брата; спор нельзя было просто вычеркнуть. Но для следующего шага ему уже хватало сведений. Он знал, какую цену считает приемлемой, какие документы нужно проверить и о чём хочет спросить брата. Всё остальное зависело от ответа человека, который сейчас находился за сто километров отсюда и, возможно, вообще не думал о гараже.

Тем не менее Михаил продолжал искать такую формулировку, которая заранее исключила бы ссору. Чем дольше он её искал, тем больше появлялось условий. Нужно было учесть характер брата, прошлые обиды, рынок, погоду в понедельник и, вероятно, положение планет, хотя в последнее Михаил никогда не верил.

Он вернулся к забору и принялся красить с другого конца. Кисть оставляла на дереве влажные полосы. Из-за соседского сарая донёсся голос:

- Михалыч, а ты как думаешь, этот цвет не слишком серый?

Михаил поднял голову. Сосед стоял с банкой «дымчатого шалфея» и выглядел человеком, который подозревал неладное, но ещё надеялся услышать утешение.

- На свету нормально, - сказал Михаил.

- А в тени?

Михаил посмотрел на затенённую часть забора.

- В тени серый.

Сосед вздохнул.

- Вот и мне кажется. Может, в бежевый перекрасить?

Михаил хотел ответить, что у забора есть право однажды остаться в покое. Но сосед уже перечислял оттенки, которые рассматривал в магазине, и Михаил вдруг узнал знакомую интонацию. Только что он сам с таким же упорством перебирал способы разговора с братом. Разница заключалась в том, что сосед хотя бы мог открыть новую банку краски и увидеть результат. Михаилу нечего было проверять до понедельника.

- Слушай, - сказал он, - а тебе самому какой цвет нравится?

- Первый коричневый, - признался сосед после паузы.

Они некоторое время молчали, глядя на свежеевыкрашенный шалфей.

После обеда Михаил обнаружил, что устал сильнее, чем рассчитывал. Возможно, сказались дорога, непривычная работа, недосып за неделю. Было бы странно списать всё на один мысленный разговор. Но этот разговор точно не помог ему провести выходной так, как он собирался.

Он не стал составлять план борьбы с мыслями. Не дал себе обещания впредь думать только по расписанию. Вместо этого достал из кармана сложенный чек из строительного магазина и на обороте записал три вещи: проверить документы, назвать свою цену, спросить брата, почему он торопится. Получилась короткая записка, которую можно было взять с собой в понедельник. Она не гарантировала согласия и не защищала от неприятных слов. Зато больше не требовала придумывать ответ за другого человека.

Вечером Михаил открыл баню, чтобы проветрить её перед растопкой. Внутри пахло сухими досками и старым веником. Сосед снова возился у забора; по звуку было件нятно, что он снимает крышку с очередной банки.

Михаил прислушался, потом прошёл к поленнице. Для растопки нужны были тонкие щепки, а он с утра так и не наколот ни одной. Он выбрал полено и поставил его на чурбак. За забором кто-то негромко выругался: кажется, шалфей всё-таки не прижился.

Глава 6. Где заканчивается полезное думание

Попробуйте ответить на один вопрос: как понять, что вы уже достаточно подумали? Не вообще, на всю оставшуюся жизнь, а сейчас - над конкретной задачей. Когда можно закрыть карту маршрутов, перестать перебирать варианты и заняться чем-нибудь другим, не опасаясь, что именно на последней минуте размышлений скрывалось самое важное?

Вопрос звучит почти неприлично. Нас с детства учили думать прежде, чем делать, и справедливо учили. Человек, который сначала покупает билет, а потом выясняет, в какой город он ведёт, рано или поздно столкнётся с трудностями. Но у хорошего совета есть неоговорённое продолжение: после того как подумал, иногда всё-таки приходится делать. Иначе размышление становится занятием без установленного времени окончания.

Утром в четверг на столе у Галины лежали распечатки железнодорожных расписаний. Она собиралась поехать к подруге в небольшой город, где не была восемь лет. Дорога включала пересадку: прямого поезда не было, автобус ходил редко, а такси от станции стоило почти столько же, сколько билет на электричку. Галина не любила неожиданностей в дороге, особенно когда в незнакомом месте приходилось искать остановку.

В понедельник она сравнила два маршрута и выяснила, что один дешевле, а другой удобнее. Во вторник проверила расписание автобусов и время пересадки. В среду позвонила подруге: та обещала встретить её на станции, если поезд прибудет до шести. К утру четверга

задача, по существу, была решена. У Галины имелись подходящий поезд, цена билета и договорённость о встрече.

Но она снова открыла расписание. А вдруг поезд задержится? Вдруг платформа окажется далеко от автобусной остановки? А если выбрать отправление на час раньше, можно избежать часа пик. Хотя тогда придётся встать до рассвета, и весь первый день пройдёт в сонном состоянии. Стоило проверить ещё один вариант - через другой город, с двумя пересадками. Может быть, он окажется надёжнее.

Новые варианты не были глупыми. В мире действительно задерживают поезда, меняют платформы и отменяют автобусы. Однако каждый следующий поиск расширял число возможных неприятностей быстрее, чем помогал подготовиться к ним. Через час Галина знала о железнодорожном сообщении региона значительно больше, чем собиралась, но билет так и не купила.

Это важная подробность: полезность мысли определяется не её серьёзностью. Можно рассуждать о весьма реальных рисках и при этом не приближаться к решению. И наоборот, пять минут спокойного уточнения могут сэкономить день хлопот. Дело не в том, что одни мысли умные, а другие лишние. Дело в работе, которую они выполняют.

Представим размышление как инструмент, который берут для определённого дела. Отвёрткой можно подтянуть расшатавшийся винт; ею же можно бесконечно вертеть уже закреплённую деталь, опасаясь, что она недостаточно крепка. Снаружи движения почти одинаковые. Разница обнаруживается, если посмотреть на результат.

Что изменилось после очередного круга? Появился факт, которого прежде не было? Стало яснее, какой шаг возможен? Возникло решение, которое можно проверить на практике? Или вы просто ещё раз пережили вероятность неудачи, теперь с дополнительными подробностями?

Последний вопрос бывает неприятным, потому что ответ не всегда радует. Мы можем обнаружить, что пытаемся добиться от размышления того, чего оно дать не способно: гарантии, что поезд не задержится, подруга не заболеет, погода не испортится и поездка окажется именно такой, как хотелось. Разум прекрасно умеет рассчитывать время пересадки. Он гораздо хуже справляется с задачей отменить будущее, в котором что-нибудь пойдёт не по плану.

В исследованиях повторяющегося мышления различают процессы, которые помогают осмыслить ситуацию, и те, что удерживают человека в бесплодном круге. Не всякое возвращение к вопросу вредно, и не существует универсального количества минут, после которого размышлять запрещено. Важнее его направленность: приближаемся ли мы к конкретному пониманию и действию или вновь обсуждаем то, на что пока нет ответа.

Галине мог пригодиться простой опыт, не требующий ни специального блокнота, ни таймера. В тот момент, когда рука снова тянулась открыть расписание, она могла спросить себя: «Какую новую информацию я сейчас ищу?» Если ответ был конкретным - например, уточнить время последнего автобуса, - поиск имел смысл. Если же ответ звучал как «хочу окончательно убедиться, что всё будет хорошо», предстояло признать: такого пункта в расписании нет.

Этот вопрос не волшебный. Иногда мы не сразу понимаем, зачем продолжаем думать. Иногда ситуация меняется, и прежние расчёты приходится пересматривать. А в действительно сложных решениях разумно советоваться, брать паузу и собирать дополнительные сведения. Речь не о том, чтобы отучить себя от осторожности. Скорее о возможности заметить, когда осторожность незаметно переделалась в требование полной уверенности.

К обеду четверга Галина всё ещё сидела за столом. В соседней комнате работало радио, во дворе кто-то разгружал кирпичи. Она перечитала сообщение подруги: «Приедешь до шести - встречу. Если позже, позвони, придумаем что-нибудь». В этой фразе не было обещания идеальной поездки. Зато было вполне достаточное основание для следующего шага.

Галина выбрала поезд, который прибывал в половине пятого. Оплатила билет. После этого обнаружила, что ей хочется снова посмотреть расписание - теперь уже проверить, не существовало ли рейса получше. Желание оказалось удивительно настойчивым, хотя покупка состоялась всего минутой назад.

Она всё-таки открыла страницу перевозчика, но не список всех отправок, а сам билет. Проверила дату, станцию и номер поезда. Здесь могла обнаружиться настоящая ошибка, и такую проверку было бы странно считать лишней. Данные совпали.

За окном продолжали разгружать кирпичи. Радио сообщало о ремонте дороги на другом конце области. Галина закрыла страницу и пошла искать дорожную сумку, которую в последний раз видела на верхней полке шкафа. На полке лежали коробка с ёлочными игрушками, старый плед и одинокая лыжная палка. Сумки не было. Эту задачу предстояло решать уже совсем другим способом.

Часть II. Ловушки, в которые попадает мышление

Глава 7. Дело о пропавшей пуговице

Пуговица нашлась в сахарнице. До этого её искали сорок минут, успели заподозрить стиральную машину, кота и недобросовестность производителей пальто. Как она попала к сахару, никто не знал. Возможно, её положили туда на минутку, чтобы не потерять. Это объяснение выглядело настолько правдоподобным, что в семье даже не стали выяснять, кто именно проявил такую предусмотрительность.

Зато Ольга выяснять любила. В детстве ей нравились детективы, в которых сыщик замечал едва видную царапину на дверной ручке и по ней раскрывал преступление. Взрослая жизнь, к сожалению, редко снабжала её столь любезными уликами. Зато регулярно подбрасывала ситуации, в которых хотелось непременно докопаться до причины.

В воскресенье исчезла маленькая латунная застёжка от шкатулки. Шкатулка досталась Ольге от бабушки; она хранила в ней открытки, две старые фотографии и билет в театр, на котором давно выпала дата. Застёжка держалась плохо, это Ольга знала. Но ещё вчера была на месте. Значит, за сутки что-то произошло.

Она осмотрела подоконник, куда ставила шкатулку, затем полку и пространство за батареей. Попросила мужа проверить пылесос, хотя пылесосом с пятницы никто не пользовался. Спросила у дочери, не брала ли та шкатулку. Дочь обиделась: не потому, что её подозревали в краже застёжки, а потому, что у матери был такой тон, будто ответ уже известен.

- Я просто пытаюсь понять, - сказала Ольга.

И это было правдой. Только постепенно выяснилось, что понять она хочет гораздо больше, чем место нахождения маленькой железки.

Если застёжка отвалилась сама, значит, Ольга давно не замечала, в каком состоянии семейная вещь. Если её задела при уборке, кто-то был неосторожен. Если дочь брала шкатулку, почему не сказала? А если застёжка пропала раньше, почему Ольга была уверена, что видела её вчера? С каждым вопросом исчезнувшая деталь становилась всё менее важной. На её месте возникало что-то другое - сомнение в собственной памяти, в аккуратности домашних, в том, насколько вообще можно полагаться на привычный порядок вещей.

В понедельник она купила новую застёжку. В мастерской нашлась почти такая же, только немного светлее. Дома Ольга приложила её к крышке, отметила карандашом места для крошечных шурупов и поняла, что устанавливать пока не хочет. Ведь старая могла обнаружиться. Тогда пришлось бы решать, какая лучше. А ещё хотелось знать, куда она делась.

Вопрос «куда делась?» звучал разумно. Вопрос «что это говорит обо мне и моих близких?» уже требовал совсем другого расследования. Но граница между ними прошла незаметно.

Когда человек сталкивается с неясностью, он нередко начинает искать объяснение. Так устроена полезная сторона мышления: мы замечаем несоответствие, проверяем версии,

исправляем ошибку. Без этого не получилось бы ни починить кран, ни разобраться в счёте за электричество, ни понять, почему рассада перестала расти. Проблема не в любопытстве и не в желании разобраться.

Иногда поиск причины превращается в попытку установить полную картину там, где сведений недостаточно. Мы рассматриваем версии, возвращаемся к одним и тем же подробностям, меняем местами предполагаемые события. При этом сам ход рассуждения создаёт ощущение работы. Если мыслей много, кажется, что решение где-то близко. Но количество версий не заменяет новых фактов.

Ольга могла выяснить, где продают крепления, и поставить новое. Могла поискать старое под мебелью. Обе задачи имели понятные действия и предел. Но выяснить наверняка, кто и в какую минуту сдвинул застёжку, было почти невозможно. В доме никто не вёл протокол перемещений шкапулки, а бабушка, будь она жива, наверняка посоветовала бы сначала выпить чаю.

Умение находить причины иногда подводит нас именно потому, что прежде не раз выручало. Мы привыкли: если достаточно внимательно посмотреть, объяснение появится. И бывает трудно признать, что внимательность уже исчерпала свои возможности. Не потому, что мы плохо думаем, а потому, что в распоряжении мысли нет нужных сведений.

В научной литературе повторяющиеся размышления не считают одинаковыми по своему действию. Конкретное обдумывание, которое помогает увидеть следующий шаг, отличается от абстрактного перебирания причин без продвижения. Это различие не всегда заметно изнутри. Человек может чувствовать себя занятым серьёзной задачей, хотя в действительности снова задаёт прежний вопрос, только другими словами.

Во вторник дочь вернулась из школы и застала мать у раскрытой шкапулки.

- Ты всё ещё ищешь эту штуку?

- Уже не ищу. Купила новую.

- Тогда что?

Ольга посмотрела на лежавшие перед ней фотографии. На одной бабушка сидела на садовой скамейке в нелепой шляпе с широкими полями. Она терпеть не могла фотографироваться, поэтому на снимке смотрела куда-то в сторону, словно собиралась встать и уйти.

- Хочу понять, как старая потерялась.

Дочь немного подумала.

- А если никак не поймёшь?

Ответить было нечего. Вопрос не требовал немедленного решения, но от него почему-то стало неловко. Ольга представила, как они с дочерью через десять лет вспоминают эту историю. Вряд ли та вспомнит застёжку. Возможно, запомнит, как мать расспрашивала её из-за пустяка.

Ольга достала отвёртку. Новая деталь легла на крышку не совсем ровно; пришлось подложить тонкую картонку. Дочь придерживала шкапулку, пока мать закручивала шуруп. Потом они положили внутрь открытки и фотографии, а билет в театр почему-то не нашли. Ольга почувствовала знакомое желание немедленно проверить все ящики.

- Слушай, - сказала дочь, - а бабушка правда носила такую шляпу?

Ольга взяла фотографию. Она хорошо помнила шляпу: бабушка купила её на рынке и уверяла, что в ней удобно собирать смородину. На деле широкие поля цеплялись за ветки. Рассказывая, Ольга впервые за два дня не пыталась восстановить недостающую последовательность событий. Она вспоминала то, что действительно знала.

Позднее, убирая инструменты, Ольга обнаружила в коробке два лишних шурупа. Она долго смотрела на них, стараясь понять, откуда они взялись. Потом положила коробку на место.

Глава 8. Почти идеальный подарок

Подарок оказался не тем, каким его задумывали. Это выяснилось через три минуты после вручения, когда восьмилетняя Соня сняла крышку с коробки, достала набор для выращивания кристаллов и с неподдельным интересом спросила:

- А их можно съесть?
- Нет, - сказала её тётя Марина.
- Даже маленький?
- Особенно маленький.

Соня внимательно изучила пакетики с порошком, прочла слово «реактивы» и отправилась показывать коробку дедушке. Через некоторое время её нашли возле аквариума: она объясняла рыбкам, что скоро в доме появятся кристаллы, но пробовать их никому не разрешается.

Марина сидела за праздничным столом и впервые за несколько дней не знала, о чём ей думать. Вернее, мыслей было предостаточно, только ни одна уже ничего не меняла.

Подарок она выбирала с прошлой пятницы. Поначалу всё выглядело просто. Соня любила опыты, собирала необычные камешки и однажды спросила, почему в морозилке вода становится твёрдой, а мёд - нет. Набор для выращивания кристаллов казался подходящим. Марина нашла один в интернете, положила в корзину и уже потянулась к кнопке заказа, когда заметила отзыв: «Дочке не понравилось».

У отзыва было две звезды и никаких подробностей. Марина решила проверить другие варианты.

Первый набор обещал кристалл за двадцать четыре часа, второй - за неделю. В третьем предлагалось вырастить сразу пять, но покупатели жаловались на тусклые цвета. У четвёртого была красивая коробка, зато инструкция выглядела так, будто её переводили с языка, на котором ещё не придумали глаголы. В пятом всё устраивало, кроме стоимости доставки.

Марина составила таблицу. Не из любви к таблицам: просто иначе она перестала понимать, какие наборы уже сравнивала. В одном столбце значилась цена, в другом - возрастные ограничения, в третьем - состав, в четвёртом - отзывы. Потом добавился пятый: «Вероятность, что понравится». Цифр в нём не было. Марина ставила плюсики, минусы и вопросительные знаки, хотя сама не могла объяснить, чем два вопросительных знака отличаются от одного.

В субботу она спросила у сестры, что сейчас нравится Соне.

- Всё, что можно разобрать, собрать или залить водой, - ответила та. - Только не дари ей ещё одного огромного медведя. У нас уже трое, они занимают диван.

Совет сузил выбор лишь в одном отношении: плюшевые медведи окончательно вышли из рассмотрения. Марина снова открыла таблицу.

Можно было решить, что она слишком серьёзно относится к детскому дню рождения. Но для Марины дело было не в стоимости подарка и даже не в желании произвести впечатление. Несколько лет назад она подарила племяннице красивую деревянную головоломку, которую та так и не собрала. Вскоре головоломка оказалась на верхней полке шкафа. Марина однажды увидела её там, запылённую, и почему-то запомнила это сильнее, чем десятки удачных подарков.

Теперь ей хотелось выбрать так, чтобы ни одна вещь не отправилась на верхнюю полку. В этом желании было много заботы и совсем немного здравого расчёта: даже прекрасный подарок может наскучить ребёнку, а совершенно случайная мелочь - стать любимой на полгода. Но Марина рассуждала так, словно достаточно тщательно изучить ассортимент, чтобы исключить разочарование.

В воскресенье она читала отзывы до тех пор, пока фразы «восторг ребёнка» и «пустая трата денег» не начали встречаться об одном и том же наборе. В понедельник выяснила, что кристаллы некоторых цветов растут медленнее. Во вторник прочла рекомендации по безопасности и отбросила всё, что не подходило для возраста Сони. Это было полезно: возраст и усло-

вия использования действительно важны. В среду она снова вернулась к отвергнутым вариантам - на случай, если чего-нибудь не поняла.

Ни один следующий вечер уже не приносил решающих сведений. Зато появлялись новые сомнения. Что, если Соня предпочла бы телескоп? А если интерес к камням у неё прошёл? Может, лучше спросить напрямую и испортить сюрприз, чем ошибиться? И почему вообще Марина решила, что хороший подарок непременно должен стать событием?

Список вопросов рос, хотя задача оставалась прежней: выбрать один предмет для восьмилетней девочки, которая любила разбирать вещи и смотреть, что получится.

Мыслительная ловушка здесь не в том, что человек сравнивает варианты. Внимательное сравнение порой необходимо, особенно когда речь идёт о безопасности, больших расходах или последствиях, которые трудно изменить. Но у Марины незаметно сменилась цель. Сначала она хотела найти подходящий подарок. Затем - подарок, который точно понравится. А потом, кажется, такой, за который ей никогда не придётся испытывать сожаление.

Последнюю задачу невозможно решить с помощью отзывов. Чужие впечатления не расскажут, в каком настроении будет Соня, что её увлечёт через месяц и какой вопрос она задаст, увидев содержимое коробки. Дополнительные сведения могут уменьшить некоторые риски, но не превращают живого человека в предсказуемый механизм.

Иногда мы принимаем напряжение за свидетельство ответственности: если долго переживаю и проверяю, значит, отношусь к делу как следует. Отсюда странное чувство, будто прекратить поиски - всё равно что проявить равнодушие. Хотя забота может состоять в том, чтобы проверить действительно важное, принять разумное решение и оставить другому человеку право отреагировать по-своему.

Марина выбрала набор в четверг вечером, когда доставка уже грозила опоздать к празднику. В последний момент она почти заказала второй - на замену, если первый окажется неудачным. Потом представила, как будет объяснять сестре появление двух коробок с химическими порошками, и остановилась.

На дне рождения Соня не бросилась обнимать тётю и не объявила её подарок лучшим на свете. Она задала вопрос про съедобность кристаллов, потом пошла к аквариуму. Марина сперва ощутила знакомое желание оценить реакцию: достаточно ли восторга, не разочаровалась ли девочка, не лучше ли было купить телескоп? Но Соня уже вернулась и попросила помочь прочесть инструкцию.

Они разложили на кухонном столе пакетики, пластиковую ёмкость и маленькую палочку для размешивания. На первой странице крупными буквами было написано, что опыт нужно проводить со взрослым. Соня радостно сообщила:

- Значит, ты тоже участвуешь.

Марина села рядом. Оказалось, что вода нужна тёплая, а для измерения температуры пригодится кухонный термометр. Сестра отправилась его искать. Соня тем временем начала строить догадки о том, какой кристалл вырастет первым, и выдвинула предположение, что фиолетовый, потому что он красивее.

- Это не совсем научный довод, - сказала Марина.

- А мы проверим, - ответила Соня.

На столе лежала инструкция, которой Марина так тщательно добивалась при выборе набора. Но Соня уже придумала свой первый опыт: она хотела узнать, что будет, если поставить две ёмкости в разных местах комнаты. Пришлось ещё раз перечитать правила, чтобы убедиться, что это безопасно. За окном кто-то запустил мыльные пузыри; несколько переливчатых шаров поднялись мимо кухонного стекла и лопнули прежде, чем Соня успела их заметить.

- А когда вырастет? - спросила она.

- Не сегодня. Может, через несколько дней.

Соня задумалась, явно недовольная таким сроком. Потом попросила тётю подписать обе ёмкости, чтобы их не перепутать. Марина взяла маркер. Для первого опыта девочка выбрала место возле окна, для второго - на книжной полке. Объяснить свой выбор она не смогла и не особенно пыталась.

Глава 9. Человек, который слышал только свою ошибку

На записи было слышно, как сорок человек поют старинную песню. Сначала нестройно, потом увереннее; женские голоса то вырывались вперёд, то уступали место мужским. Где-то за кадром скрипнул стул, кто-то кашлянул. А на второй минуте один голос вдруг взял ноту выше остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.